DOI 10.15593/perm.kipf/2018.1.07

УДК 354(497.11)(091)

ИСТОКИ СЕРБСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ: МЕЖДУ НАУКОЙ И ЖАНРОМ ФОЛК-ИСТОРИИ

Ю.В. Шахин

Институт экономики и права (филиал)
«Академия труда и социальных отношений», Севастополь, Россия

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3684-9802>

В статье рассматриваются попытки удрежить возраст сербской государственности и славянских правовых памятников, предпринятые под влиянием жанра фолк-истории. Его приверженцы в Сербии известны как неоромантики. Они утверждают, что будто бы уже в неолите у сербов появился алфавит, от которого произошли алфавиты других народов, будто бы у сербов существовали государства уже в эпоху эллинизма и находились они на Балканском полуострове. В связи с этим они пытаются объявить славян автохтонным населением Балкан или доказать, что сербы появились в данном регионе значительно раньше VII в. н.э. Они выдают за славянские письменные памятники тексты других народов, используют устаревшие и отвергнутые гипотезы происхождения славян. Кроме того, они датируют I тыс. до н.э. древнейшие правовые памятники сербов и искусственно создают раннесредневековые династии сербских правителей. Последовательно рассмотрев аргументацию в пользу древнего возраста сербского государства и права, автор показывает ее полную несостоятельность. Она отличается низким научным уровнем, а порой и полным его отсутствием. Представители данного направления тенденциозно используют данные источников и исторических исследований, часто прибегают к откровенным фальсификациям и бездоказательным утверждениям. Таким образом, подтверждается традиционный научный взгляд на проблему происхождения государства у сербов. В конце статьи рассматриваются причины появления сербского варианта фолк-истории, его общественная роль и методологические принципы противодействия, а также проводятся параллели с состоянием российской и украинской науки.

Ключевые слова: Сербия, государство, право, письменность, славяне, наука, неоромантики, фолк-истории, Античность, Средние века.

THE ORIGIN OF SERBIAN STATEHOOD: BETWEEN SCIENCE AND THE GENRE OF 'FOLK-HISTORY'

Yuri V. Shakhin

Institute of economy and law, Academy of labour and social relations,
Sevastopol, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3684-9802>

The article examines the attempts undertaken under the influence of "folk-history" genre to make the Serbian statehood and Slavic legal monuments to be aged. The supporters of this genre are known as the representatives of neo-romantic ideals in Serbia. They claim that Serbs supposedly invented the alphabet already in the Neolithic epoch and it appeared to be the origin of the other peoples' alphabets. Moreover, they say that Serbian states already existed in the Hellenistic era and they were located in the Balkan Peninsula. Thereby, they are trying to declare that the Slavs are the autochthonous population of the Balkans or to prove that the Serbs appeared in this region much earlier than in the 7th century AD. They pose the texts of other peoples for the Slavic written monuments and use the old and rejected hypotheses of the Slavs origin. Besides, they date the oldest legal monuments of Serbs by the 1st millennium BC and artificially create the early medieval dynasties of Serbian rulers. After consistent consideration of the arguments in favor of ancient age of Serbian state and law the author demonstrates their complete inconsistency. It shows low scientific level and sometimes its complete lack. Representatives of this theory use the data of scientific papers and historical studies in bias way. They often fall back upon outright falsification and unproved statements. Therefore, traditional scientific concept of the Serbian state origin has been confirmed. At the end of the article the author examines the roots of the Serbian folk-history appearance, its social role and methodological principles of opposition and he parallels the situation in the Russian and the Ukrainian science.

Keywords: Serbia, state, law, writing, Slavs, science, representatives of neo-romantic ideas, 'folk-history', Antiquity, Middle Ages.

В поле нашего внимания недавно попала статья доцента кафедры теории и истории государства и права ЮФУ кандидата юридических наук А.В.Серегина о ранней сербской государственности. С удивлением мы обнаружили, что, по мнению ростовского ученого, сербская государственность возникла примерно на тысячу лет раньше, чем принято считать в современной науке [1, с. 29–30].

Напомним, что согласно устоявшейся точке зрения, предки сербов, как и других южных славян, окончательно обосновались на Балканском полуострове к первой трети VII века при императоре Ираклии, после чего у них образуются племенные союзы или же сложные вожества, известные как славинии, и идет процесс формирования раннесредневековой государственности. Применительно к сербам первые бесспорные письменные свидетельства о возникновении государства дает трактат Константина Багрянородного «Об управлении империей». Император Константин приводит сведения о княжествах Захлумье (Захумье), Тервунии (Травунии), Пагании (Аренде), Дукле, исчезнувшей в X веке Канали (Конавле), Сербии. Позднее к ним добавляется Босния, которой Константин еще не знал. Он же упоминает имена первых сербских правителей – Воисеслава, Родослава, Властимира и других князей в Сербии, Белая в Травунии и т.д. [2, с. 127–153]. Будучи дополнены результатами современных исследований, его свидетельства позволяют отнести бесспорное время возникновения древнейших сербских государств к IX веку. В частности, именно тогда фиксируется территориальное деление в неретвлянском княжестве Пагания, нарушающее общинно-племенную структуру жупаний [3, с. 196], а, как известно, замена племенного деления территориальным является одним из важнейших внешних признаков становления государства.

Новейшая сербская историография ни в чем не отступает от этих временных представлений о начале сербской государственности. В качестве примера можно указать «Историю сербов» Симы Чирковича. Она переведена на русский язык и доступна широкому читателю. У С. Чирковича имеется раздел, посвященный античной эпохе, но он преследует только одну цель – показать, что представляла собой территория Балкан к моменту прихода славянских племен. Потому Чиркович вообще не затрагивает события, предшествовавшие установлению римского владычества. Собственно история сербов начинается у него с набегов славян на Балканы, переселения сербов при Ираклии и сведений, которые дает о них все тот же Константин Багрянородный [4, с. 1–27].

В отличие от ряда других этнических общностей, у сербов долго не складывалась единая раннесредневековая монархия. В силу политической раздробленности шесть сербских княжеств почти все время зависели от более сильных соседей – Болгарии и Византийской империи, пока в конце XI века на фоне ослабления Византии не возвысилось Дуклянское королевство, впервые объединившее сербские земли. Однако это королевство оказалось неустойчивым – уже в начале XII века оно распадается. Затем в конце XII века инициатива объединения сербских земель переходит к Рашке, и на фоне очередного ослабления Византийской империи возникает Сербское королевство, собравшее все сербские земли, кроме Боснии. Свой расцвет оно пережило в первой половине XIV века, после чего вступило в фазу феодальной раздробленности, роковым образом совпавшую с началом османского нашествия. Во второй половине XV века турки захватили последние очаги сербской государственности, и самостоятельная политическая история сербских земель прервалась на несколько столетий, если не считать героического сопротивления черногорцев. Однако нужно помнить, что у запертых в бесплодных горах черногорцев социальная структура резко упростилась и воскресла племенная организация, а возрождение государственных институтов там началось лишь с конца XVIII века. Такова общая картина политического развития сербских земель в докапиталистические эпохи.

А.В. Серегин взялся поколебать устоявшиеся взгляды на прошлое сербов. Мы попытались разобраться, как он это сделал, тем более что он активно ссылается на иностранную литературу, в частности на сочинения сербских историков. Анализ статьи очень быстро убедил нас, что свои сенсационные идеи Серегин позаимствовал почти в готовом виде у другого автора. Текст на страницах 29–30 является не чем иным, как конспектом страниц 127–129 статьи В.И. Ермоловича из Минска [5, с. 127–134] с отдельными самостоятельными добавлениями Серегина. В 2007 году, в момент написания статьи, Ермолович был докторантом кафедры теории государства Белорусского государственного университета, таким образом, открытие, удрежняющее возраст сербской государственности до античных времен, было сделано уже десяток лет тому назад. Конспект начинается с фразы «Вероятно, это не первое переселение славяно-сербских племен на Балканы» и завершается упоминанием епископа Никиты из Ремизианы. Серегин почти полностью соблюдает последовательность изложения материала у Ермоловича, лишь в конце конспекта нарушает исходный порядок: у Ермоловича рассказ про Никиту из Ремизианы предшествует рассказу о надписи из Ксантоса, а у Серегина дело обстоит наоборот.

В свою очередь Ермолович не претендует на открытие – он всего лишь ссылается на труды зарубежных историков, главным образом сербских. Чтобы выяснить истоки сенсационных утверждений Ермоловича, мы вынуждены будем обратиться и к ним. Рассмотрим корни сенсации по порядку.

Прежде всего, Серегин сообщает: «В 1864 г. Ионис Зонар предположил, что сербская государственность возникла не позже середины III в. до н.э. и просуществовала до 168 г. н.э., когда ее уничтожили римские легионы». Увы, Серегин оказался невнимателен. Ермолович пишет, что это государство погибло в 168 до н.э. «Еще в 1864 г. Ионис Зонар в книге «Исторические аналы» утверждал, что древняя сербская государственность зародилась не позже 240 г. до н. э. и просуществовала до 168 г. до н. э., когда пала под ударами римских завоевателей. Главу этой державы царя Аргона (по некоторым источникам – Саргона) Зонар даже называет «Сербским императором»». Серегин дает ссылку: *Zonaras J. Historica Annalium, Patrologiae, Magna. Paris, 1864. P. 690*, а Ермолович – *Zonaras J. Historica Annalium, Patrologiae, Magna. Paris, 1864. P. 690*. Принялся я искать труд этого автора, и оказалось, что Зонар упоминается только в работах, восходящих к Ермоловичу, а Зонарала и вовсе не существует. Признаюсь, я загрузил: неизвестный историк XIX века, которому принадлежит смелая гипотеза о сербских царях эпохи эллинизма, не оставил после себя следов в научной литературе... Быть может, это выдумка Ермоловича? Но что-то было в этом имени знакомое, и оказалось да! Перед нами не кто иной, как византийский хронист и богослов XII века Иоанн Зонара.

В середине XIX века во Франции развернул бурную деятельность католический издатель Жак-Поль Минь. Его издательство выпустило знаменитую многотомную серию «Патрология», где опубликовало сочинения отцов церкви на греческом и латинском языках. В 1864 году Минь выпустил 134-й том, в котором разместились хроники Зонары. Именно на это издание ссылаются Ермолович и Серегин, по-видимому через вторые руки, так как уже Ермолович не понимал, с чьим сочинением имеет дело, и допустил ошибки в библиографии, а Серегин их только усугубил. В оригинале вместо *Zonaras* написано *Zonaras* в именительном и *Zonarae* в родительном падеже, а вместо *Magna* Серегина и *Magna* Ермоловича должно писаться *Migne*, что означает Минь: по устоявшейся традиции при ссылках на издания Миня принято указывать в описании книги его фамилию.

Однако Ермолович и Серегин не ошиблись в главном: они правильно указали страницу хроники Зонары, хотя это все же не страница, а столбец, поскольку нумерация в издании Миня построена именно по столбцам. Там мы находим латинский перевод хроники, в котором расска-

зывается, как римские консулы ведут боевые действия на балканском направлении, и упомянуты *suo domino Argoni Sardinorum regi, gentis Illyricae irati* и несколько ниже *Sardinorum imperium administrative* [6, p. 690]. Римляне ведут борьбу с Аргонем за остров Исса. Однако Зонара о принадлежности Аргона к сербам не говорит и о разгроме Сербского государства в 168 г. до н.э. тоже умалчивает. Судя по тексту Зонары, Аргон правил некой Сардианой, имел отношение к иллирийскому народу и был всего лишь царем, поскольку в тексте упомянут не «император», а «империй», то есть речь идет не о титуле, а об управленческих полномочиях.

Подробнее биографию этого царя освещает не Зонара, который жил в XII веке, а гораздо более близкий к эпохе римской экспансии на Балканах историк Аппиан и современник части событий Полибий [7, с. 195, 196; 8, т. 1, с. 212, 213, т. 3, с. 40, 43, 64, 101]. По Полибию и Аппиану, царя на самом деле звали Агрон, правил он иллирийцами в районе залива Ионического моря, то есть ближе к Адриатике. Около 230 г. до н.э. или около 240 г. по другой датировке Агрон осуществлял экспансию в направлении Эпира и волею обстоятельств втянулся в войну с Римом из-за острова Исса. Он скоропостижно умер, а римляне войну выиграли, заключив мир с его вдовой. В 168 г. до н.э. против римлян на стороне македонцев выступил иллирийский царь Генфий (Гентий). Эта война оказалась для иллирийских царей последней. Генфий сдался римлянам и был в качестве пленника увезен в Италию. Таким образом, в 168 г. до н.э. римские легионы действительно уничтожили одно балканское государство. Полибий, Аппиан и Зонара недвусмысленно указывают, что это государство иллирийцев. Правда, у Зонары почему-то сказано, что его название Сардиана, тогда как более осведомленные в тогдашних делах Полибий и Аппиан подобными сведениями не располагали. Территориально оно находилось где-то в районе Герцеговины, Черногории и Северной Албании, то есть частично охватывало зону позднейшего расселения сербов в Средние века.

Говорят ли эти свидетельства в пользу существования эллинистического сербского государства? Нет. Во-первых, нужно сначала доказать тождество иллирийцев и сербов. Конечно, была такая теория в первой половине XIX века, но она давно отвергнута как несостоятельная. Во многом ее подпитывали особенности византийской книжной культуры: «Византийские писатели имеют манеру архаизировать имена современных им народов, обозначать их названиями древних народов, которые некогда жили на этой территории и между тем исчезли. Так, например, сербы называются трибалами, болгары мизами, венгры гуннами». Турки-османы именуются персами. «Если это знаешь, тогда не может быть никакой путаницы» [9, с. 245–246]. Потому Ермоловичу требовалось бы вдохнуть в теорию о тождестве сербов и иллиров новую жизнь путем поиска новых аргументов. Он же этого не сделал. Во-вторых, название Сардиана немного созвучно слову Сербия. Во всяком случае, если произвольно заменить д на б, получится искомый результат. Ведь допустил же Зонара ошибку в имени царя, мог он и здесь ошибиться. Однако я не лингвист и не специалист по античности, наконец, я совершенно не знаю греческого языка, поэтому о правомерности такой замены судить не берусь. Пока Ермолович лингвистически не докажет, что она возможна, мы с таким же успехом можем искать прародину сербов на Сардинии или утверждать, что этот народ произошел от сардин. Но и успешное лингвистическое доказательство не поможет делу. Нужно еще доказать, что Сардиана не является выдумкой средневекового хрониста.

Забавно, что сразу после рассказа о государстве Агрона Серегин и Ермолович ссылаются на Л.Нидерле с целью подчеркнуть, что славяне проникли на Балканы до V в. н.э., и тем самым подтвердить возможность существования Сербского государства в античный период. Так прямо они не говорят, но в контексте изложения читатель воспринимает это именно та-

ким образом. Между тем Нидерле им совсем не союзник, поэтому его текст приходится пре-парировать. Так, Ермолович, цитируя Нидерле, опускает отрывок, в котором тот отрицает автохтонность славян на Балканах и их связь с иллирийцами и фракийцами. Ермолович даже не обозначил пропуск отточиями, видимо, чтобы читатель не заподозрил никаких махинаций [5, с. 127; 10, с. 50–51]. Кроме того, Нидерле относит переселение славян на Балканы лишь к первым векам нашей эры, а вовсе не к эпохе эллинизма. Как явствует из последующего изложения доказательств, даже ранняя славянская экспансия на Балканы имела, по Нидерле, очаговый характер и за исключением нижнего Посавья в I–III веках не охватывала зон позднейшего расселения сербов [10, с. 56]. Так что его выводы не подтверждают, а, наоборот, опровергают гипотезу неизвестного историка Иониса Зонара.

Вслед за Нидерле Ермолович цитирует академика Б.Д. Грекова о расселении славян на Балканах. Греков писал о Винодольском статуте XIII столетия, вскользь затронул истоки славянской истории в этом регионе и затруднился определить начало этого процесса. В контексте изложения Ермоловича это высказывание должно было подтолкнуть читателя к мысли, что античное сербское государство вполне могло существовать. Раз такой крупный ученый затрудняется датировать начало славянской истории на Балканах, то почему бы не предположить, что они там обосновались еще до нашей эры? Нужно отдать должное Серегину, он от таких тонких методов убеждения читателя отказался.

Воспроизводя в остальном ход изложения мысли Ермоловича, Серегин переходит к следующему коронному доказательству глубокой древности Сербского государства. По его мнению, концепцию неизвестного Иониса Зонара подтверждают древнейшие памятники письменности на земле, найденные в Банице и Винче под Белградом, которые датируются V тыс. до н.э. Вопреки алфавиту в примечании он на первое место ставит сочинение Радивоя Пешича, и не случайно – это ключевой автор.

Пешич был уроженцем Югославии, в 1960-е годы эмигрировал в Италию и внезапно выступил с идеей древнего винчанского письма в середине 1980-х годов. В начале 1990-х годов он скончался. Но его дело подхватили многочисленные родственники и последователи, которые активно популяризируют эпохальное открытие. Таким образом, это был диаспорный историк, находившийся в отрыве от научного сообщества югославских археологов и лингвистов. Каковы были занятия Пешича в Италии, и где он получил звание профессора, не понятно до сих пор. В сербской прессе фигурировали различные учреждения, где он якобы трудился, однако профессиональные археологи не слышали об их существовании [11, с. 247]. Все его основные сочинения по проблемам письменности уже переведены на русский, и читатель сам может ознакомиться с глубиной его анализа [12]. Фактически Пешич посвятил таинственному винчанскому письму полторы статьи – это «Винчанское письмо» и «По следам винчанского письма». Первая из них основная, а во второй винчанское письмо рассматривается наряду с другими вопросами.

Культура Винча – богатая неолитическая культура, существовавшая на Балканах в VI–V тыс. до н.э. Она действительно имела немало достижений: винчане занимались земледелием, освоили плавку меди, создали крупные населенные пункты, приближающиеся к протогородам, делали статуэтки и разнообразно украшенную керамику, на которой помимо геометрических орнаментов просматриваются знаки, явно не относящиеся к ним, например изображения, выцарапанные на дне сосуда уже после его обжига. Со времени обнаружения этих знаков археологи стали высказывать предположения, что это зародыш письменности. Они-то и привлекли внимание Пешича.

Пешич сначала дает общую характеристику знаков, обнаруженных на сосудах, приводит мнения различных ученых, большинство которых склоняется к тому, что эти знаки еще не яв-

ляются письменностью, а дальше без всяких аргументов просто начинает рассуждать так, словно перед ним письменность, состоящая из букв. После этого, по словам Пешича, он сделал следующее: «Керамические фрагменты с буквенными зарубками и надписями из Винчи, Баницы и других археологических районов, которые принадлежат к винчанской культуре, я детально осмотрел, переписал, сделал их съемку и произвел классификацию материала. В этой связи я установил, что винчанская азбука располагает несколькими версиями (или школами) своих буквенных знаков». Неясно, что осматривал, снимал и классифицировал Пешич, по-видимому, он ограничился работой с публикациями археологических материалов, а артефакты в руки не брал. Во всяком случае, когда в 2004 году сторонники Пешича смогли увидеть подлинную керамику Винчи на специализированной выставке в Новом Саде, им трудно было распознать там какие бы то ни было надписи [11, с. 252].

Тем не менее Пешич выделил типичные виды знаков, объявил их буквами, часть знаков провозгласил гласными, а часть согласными, сопоставил их с другими древними алфавитами и заявил об их близком сходстве с сербской кириллицей и полном сходстве с буквами этрусского алфавита. У других письменных систем он нашел общие знаки в количестве от 2 до 12. После чего Пешич заявил: «Из этого вытекает, что остальные народы в большей или меньшей мере, напрямую или косвенно, переняли знаки своего письма у винчанской азбуки». Завершается статья иллюстративным материалом. Никаких доказательств своих утверждений, равно как и примеров чтения винчанских надписей, Пешич не приводит. Собственно, это все открытие.

Вот как комментирует изыскания Пешича его собрат по цеху академик Российской академии естественных наук В.А.Чудинов, известный уникальной способностью читать тексты любого народа и любой эпохи так, словно они написаны на литературном русском языке: «...Он дал очень бедную доказательную базу. ...будучи с Пешичем по одну сторону баррикад, я не понимаю до сих пор, каким образом он вообще выделяет графемы и относит их к гласным или согласным. Откуда он знает, что знак **Ш**, например, есть согласный, а не гласный, да еще имеет значение ШТ? Тут речь идет не о результате научного исследования, где шаг за шагом автор убеждает в своей правоте, но с каким-то шагом читатель может не согласиться, тут требуется просто поверить Пешичу. Методика его чтения мне до сих пор не ясна. Поэтому я воздержусь от таких слов, как “открытие письменности”, заменив на более скромное словосочетание “выдвинул гипотезу о существовании Винчанской письменности”» [13].

Противники Пешича еще более категоричны. Сербский археолог Александр Палавестра говорит, что дешифровка винчанских знаков осуществлена методом свободной ассоциации без какого бы то ни было научного обоснования. «Тонюсенькая газетная статейка, почти любительски наивная и неаргументированная. Как это так называемое винчанское письмо «дешифровано»? Метод достаточно простой и основан на универсальной человеческой склонности... распознавать образцы даже там, где их нет». А специальные научные исследования В. Станишича 1990-х годов говорят, что «винчанские изолированные и разнородные знаки не могут представлять никакого письма» [11, с. 241, 249, 253]. «Письмо подразумевает знаки, которые имеют независимое значение понятное другим без устного объяснения», – добавляет Палавестра со ссылками на Колина Ренфру, а «винчанские знаки слишком малочисленны, разнородны, изолированы и несистематичны, без единого текста, предложения, да и слова, чтобы были звуковым, фонетическим письмом» [11, с. 253–254]. Добавим также, что нет никаких оснований сближать язык винчан с сербским – мы просто не знаем, на каком языке они изъяснялись. Тем не менее горячие последователи Пешича ввели в оборот слово «србица» для обозначения мифической винчанской азбуки.

Лично Пешича отсутствие надлежащей аргументации не смутило. Посчитав свою работу завершённой, он переключился на изучение письменности этрусков, в языке которых он увидел сербскую основу, а в этнониме – совпадение с сербским средневековым государством Рашка. Как показал сербский историк Р.Радич, едко критикующий подобную псевдонауку, эта этимология совершенно надуманна [9, с. 250–252]. Впрочем, в сербском прочтении этрусских текстов Пешич не был первым. До него в этом упражнялся диаспорный сербский историк С. Билбия, обосновавшийся в Чикаго. Однако в конце 1990-х у них появились конкуренты. Украинский диаспорный историк Александр Олийнык, обосновавшийся в Торонто, как раз по другую сторону Великих озер, как дважды два «доказал», что этруски и финикийцы изъяснялись на древнеукраинском языке [14]. И неважно, что финикийские тексты давно прочитаны, неважно, что язык этрусков не поддается дешифровке из-за того, что не был индоевропейским, неважно, что у Олийныка получаются тексты в стиле «мама мыла раму» или «абабага-ламага». Это все неглавное. Подобно Пешичу, он пытается возвеличить свою нацию, и как же тут можно внимать рациональной критике?

Спекуляции сербских националистов вокруг винчанской культуры до боли напоминают танцы украинских националистов вокруг трипольских горшков. Трипольско-кукутенская культура возникла на территории современной Румынии одновременно с винчанской и была ее северо-восточной соседкой. Ее представители тоже были земледельцами, создали протогорода, лепили глиняные статуэтки (хоть и другого стиля), делали яркую керамику со сложными орнаментами и тоже снабжали ее какими-то знаками. Среди украинских националистов предпринимались попытки выдать их за письменность и прочесть. Результат пока тот же, что и у сербских коллег.

Пешич не усматривал никакой связи между письменностью и государственностью. В его представлении письменность является результатом интенсивной религиозной жизни, направленной на постижение божества, и в силу этого может возникнуть на любой стадии общественного развития. Однако в подавляющем большинстве научных концепций письменность и государственность тесно увязаны [15, с. 184–193]. Письменность возникает, когда общество переживает процессы классовообразования и политогенеза. Таким образом, наличие письменности могло бы служить подтверждением тезиса о невероятной древности Сербского государства. Именно в таком контексте Серегин и Ермолович приводят упоминания о винчанском письме. Потому нам и понадобился пространный экскурс в эту область, чтобы разбить очередной аргумент удревнителей сербской истории.

Следующая группа доказательств базируется у Серегина на пересказе сведений Йована Деретича, опять же позаимствованных у Ермоловича. Деретич – диаспорный сербский историк, проживающий в Чикаго. Серегина и Ермоловича впечатлила его книга «Античная Сербия». Среди научных заслуг Деретича они упоминают определение территориальных границ античного сербского государства, в состав которого почему-то входила Долмация: оба так и пишут, через о. Их впечатлило, что Филипп, отец Александра Македонского, якобы обучался в военной академии царя Вардилы, расположенной в Будве, а даки и сербы имеют близкородственные языки. Правда, Серегин вновь был невнимателен и написал, что «предположительно древние сербы и даки составляли две ветви единого славянского этноса». Ермолович, у которого взят этот пассаж, слово «славянского» не использует [16, с. 77] и, таким образом, не впадает в ошибку: даки не были славянами, но в качестве индоевропейского народа в самом деле состоят в языковом родстве с сербами.

Когда читаешь книги Деретича, недоумеваешь: здесь вообще не о чем полемизировать, потому что это не историческое исследование, а беспардонная фальсификация истории. По раз-

маху ее превосходят разве что Фоменко с Носовским. Сербь были везде и всегда, и не только на Балканах. Все, что хоть немного похоже по звучанию на слово «серб», объявляется сербским, а все, что непохоже, произвольно переименовывается или переименовывается на сербский лад. Например, Птолемей Лаг, основатель династии Птолемеев в Египте, становится Птолемеем Лагичем. Александр Македонский получает фамилию Каранович, под которой и фигурирует. Древнее южноаравийское государство Саба это, конечно же, Сербия, семитоязычные кочевники-амореи – это приморские сербы, народы моря, нападавшие на Египет, это тоже сербы и т.д. и т.п. К сожалению, доступная мне электронная версия «Античной Сербии» Деретича имеет отличия в нумерации страниц от бумажного оригинала, что видно даже по библиографическому описанию в конце книги [17, с. 217], потому сослаться на конкретные страницы будет неудобно, но, впрочем, и не очень нужно: вся книга такова, кроме последних глав, где разбирается средневековая история сербов.

Но область, где приходится писать о твердо установленных фактах, это слабое место фантаста от науки. Как показал профессор Радич в язвительной книге «Сербь до Адама и после него», Деретич явно не в курсе новейших достижений исторической науки, занимающейся средневековым сербским королевством. Он путается в родственных связях династии Неманичей, не знает, когда умер ее основатель Стефан Неманя, придумывает несуществующих царей, произвольно раздает титулы правителям, воспроизводит абсурдные родословные легенды, которые сочинили Неманичам средневековые летописцы, путается в датах битв с турками [9, с. 68–74, 87–92, 124–125].

Материалом для анализа Радичу послужила книга Деретича «Западная Сербия» [18]. С ней стоит познакомиться, потому что там Деретич изложил основы своего «исследовательского метода». Уже в первой главе «Сербь до Римской империи» он говорит, как древние авторы упоминают сербов: «Сербское имя упоминается множеством способов, и некоторые его формы достаточно отдалены от современной формы сербского имени. Сербь упоминаются как сербы, серабы, сорабы, соробы, сорди, сордиски, скордиски, серди, сарды, арды (без начальной буквы с в новейших изданиях античных писателей на Западе), сорабаты, сароматы и сарматы. Кроме того, сербы очень часто упоминаются как иллиры, далматы или венеты. У греческих писателей сербы упоминаются и как споры, суры и сабирь». Радич обнаружил подобную методику у всего направления, к которому принадлежит Деретич. «...Всякое слово на любом языке, которое содержит в себе буквы С, Р и Б, неминуемо связано с сербами... Если уже и этого не достаточно, то есть если в таких словах нет именно этих трех букв (С, Р и Б), тогда во внимание будут приняты все слова, которые содержат буквы С и Р... Чтобы в число сербов включить и целый ряд других племен, чьи имена не имеют необходимой предпосылки – то есть С, Р и Б или С и Р, или в крайнем случае только С, – они выкручиваются различными способами» [9, с. 147–148].

Надлежит отметить, что свою невероятную версию древней истории Деретич оснащает научным аппаратом. В «Античной Сербии» он слабо связан с параллельной реальностью текста, а в «Западной Сербии» заметно улучшен. Деретич владеет латинским языком и в «Западной Сербии» цитирует публикации источников и научных трудов, где содержатся заветные слова на букву С. Между прочим, он ссылается и на Зонару, фамилию которого пишет правильно. При этом Деретич как-то выборочно подходит к материалу: в основном его привлекают издания, выпущенные до последней трети XIX века. Видно, потому он и не знает о достижениях XX века в изучении сербской истории, зато заботливо коллекционирует ошибки и неточности, которые историография преодолела в ходе своего развития.

Деретич – борец идеологического фронта. Он не изучает историю, а работает на благо сербской нации, как он его понимает. Об этом практически прямым текстом сказано в предис-

словии к «Западной Сербии». В общем-то, опровергать Деретича по существу – занятие бессмысленное. Это все равно, что убеждать в неправоте украинского писателя Сергея Плачинду, который уверял, что гуннский вождь Атилла был на самом деле киевским воеводой, а сарматы древнеукраинское племя амазонок «цар-маты», что в переводе с украинского означает «царь-мать» и т.п. [19, с. 9, 11].

Отметим лишь, что «границы античной Сербии», столь вдохновившие Серегина и Ермоловича, на деле являются границами одного из государственных образований древних иллирицев, да остановимся на истории с биографией Филиппа Македонского, ибо здесь Серегин и Ермолович нашли то, чего нет даже у Деретича. Ссылаясь на него, они утверждают, что Филипп учился в городе Будве в военной академии иллирийского царя Вардилы. Но согласно Деретичу, это был всего лишь пажецкий корпус в столице Вардилы городе Сарда (Скадар) [18, с. 178]. Вот так история обрастает новыми подробностями... Кстати, по Деретичу, Вардила был доподлинным сербом из племени антов. Откуда взялись на Балканах анты в IV в. до н.э., ведомо одному Деретичу, ведь впервые они упоминаются лишь в начале VI в. н.э. у Иордана и четко локализируются на Правобережной Украине, но это лирическое отступление.

Несмотря на все, что мы обозначили, Серегин все-таки находит у Деретича некие заслуги перед наукой. По его мнению, Деретич определил точную дату «возрождения» раннефеодального сербского государства, якобы приходящуюся на 490 год и установил первые его три династии. Ермолович тоже считает эти исследования ценными. Дата 490 год, по-видимому, произвольна, как и многое другое у Деретича, а вот три древние династии не представляют собой ничего нового. Они придуманы путем некритического заимствования династических легенд из Летописи попа Дуклянина («Барского родослова»), составленной не ранее XII века [20, с. 108–135]. Деретич напрямую этот источник не использует, и в этом особенность его подхода. Он ссылается на историков-первопроходцев типа Дюканжа, Орбини и других, которые воспроизвели данные этого весьма спорного произведения в своих трудах, пытались привязать их к установленным фактам и невольно создали вымышленную политическую историю балканских славян. От себя Деретич добавляет только фамилии легендарных правителей и сдвигает начало их хронологии в V век.

Историк сербской государственности В.П.Грачев дал на русском языке четкую источниковедческую характеристику Летописи попа Дуклянина еще в 1972 году [21, с. 83–87]. Оригинал Летописи попа Дуклянина и копии на языке оригинала не сохранились, все известные списки, включая переработанную редакцию, известную как «Хорватская хроника», опираются на латинский перевод, в тексте отсутствуют надежные даты, и потому большие дискуссии вызывает само время создания источника. А сведения генеалогического характера уже в XIX веке были признаны недостоверными. Современный исследователь С.В.Алексеев отмечает: «Первая часть “Летописи”, дающая для IX–XI веков многие десятки княжеских поколений, смешивающая хорватскую, сербскую и дуклянскую историю, представляется далекой от реальности» [22, с. 143]. Таким образом, построения Деретича вновь оказываются несостоятельны.

Однако поиски древних корней сербской государственности влекут нас еще к одной попытке удревить историю, на этот раз историю права. Со ссылкой на Ермоловича Серегин сообщает нам о следующем сенсационном открытии: в малоазиатской области Ликия в г. Ксантосе обнаружены законы VIII–VI в. до н.э., записанные на каменном столбе сربیцей! Ермолович уточняет, что речь идет не просто о винчанском алфавите, а именно о древнесербском языке, и даже на полном серьезе описывает структуру этого законодательного памятника. Правда, возраст памятника он определяет как VI–VIII вв. до н. э., что

несколько портит картину – это как если написать, что Российская империя существовала в XX–XVIII в. н.э., но будем полагать, это описка.

Если сведения Ермоловича верны по существу, то перед нами революция в истории славянского права и письменности, сопоставимая по масштабу с открытием законов Хаммурапи. Возраст древнейших надписей на славянских языках удревняется примерно на полтора тысячелетия и примерно на столько же удревняется старейший правовой памятник славянских народов. Почему же об этой сенсации молчит ученый мир? Почему же «Законник» из Ксанта в составе всех своих 230 статей до сих пор не включен в учебную программу? Наш энтузиазм сразу поубавится, если мы посмотрим, кто автор сенсации. Это уже знакомый нам этрусколог Билбия из Чикаго.

Каменный столб из Ксанта – это стела из Ксанфа. Дело в том, что в сербском и русском языке применяются разные способы передачи некоторых букв греческого алфавита и по-разному передаются окончания слов, отсюда замена *m* на *φ* в русском и отбрасывание окончания *-os*. Ксанф это город в Ликии, и речь идет о памятнике ликийской письменности. Ликийский язык уже довольно неплохо изучен. Он принадлежит к анатолийской группе индоевропейских языков, то есть имеет общего предка с сербским языком, но к славянским языкам не относится. О ликийском языке, равно как и о стеле из Ксанфа, лингвистам известно довольно много, вот только о возможности чтения ликийских письменных памятников как сербских они не подозревают [23, с. 131–154].

Сама стела из Ксанфа является погребальным памятником ликийского правителя Хиреи и исписана на нескольких языках. Помимо ликийского она содержит вставки на греческом, однако примерно половина стелы покрыта надписями на милийском языке, близкородственном ликийскому. До недавнего времени он был слабо изучен, стела читалась плохо, и, вероятно по этой причине, на ней взялись спекулировать сербские националисты. Но в последнее время в понимании текстов был достигнут заметный прогресс, в чем убеждает знакомство с трудами В.В. Шеворошкина [24, с. 588–619]. В чтении милийских текстов еще есть сложности, но стела из Ксанфа совершенно не похожа на свод законов. Поклонникам Пешича и винчанского письма было бы весьма полезно посмотреть указанные статьи по ликийскому и милийскому письму, чтобы они прочувствовали разницу между профессиональной лингвистикой и любительским дилетантизмом. Еще одна сенсация не состоялась.

Завершая конспект Ермоловича, Серегин вновь обращается к закату Римской империи и упоминает как доказательство древности сербов на Балканах, что уже в 414 году некий епископ Никита из Ремизияны (Белой Планки) крестил Сербию. Город на самом деле обозначен у Ермоловича как Белая Паланка, но это мелочь, вновь говорящая лишь о невнимательности Серегина. Источником сведений им служит историк Реля Новакович, выпустивший книжку параллельно на сербском и английском языках, которому, в свою очередь, источником сведений послужила Британская энциклопедия. Но это по версии Серегина и Ермоловича. Открыв сочинение Новаковича, мы узнаем другое: источником для него был некто Драгомир Маринкович, который сообщил ему, будто *Encyclopedia international Grolier*, изданная в Нью-Йорке в 1971 году, и *Encyclopedia Britannica* содержат упоминания о епископе Никите (Никете) из Ремизияны, который обращал в христианство сербов и скончался в 414 году (крестик, стоящий у Новаковича перед годом, обозначает дату смерти, а не принятие крещения, как полагают Серегин и Ермолович). Разумеется, это сообщение сделано без указания на страницы. Новаковичу самому неудобно делать такую ссылку, и он сопровождает ее оговоркой «если мы можем опереться на некоторые энциклопедические сообщения» [25, с. 41, 188]. Это не научный подход, а собирание

слухов. Энциклопедия Гролье мне в данный момент недоступна, а по Британской энциклопедии проверку уже провел Радич и указанных сведений там не нашел [9, с. 277].

На этом Серегин завершает заимствования у Ермоловича. Но и отступив от Ермоловича, он не может удержаться от экзотических идей. Упомянув, что в раннем Средневековье некрещенные сербы и хорваты назывались белыми, Серегин отмечает близость их языков с восточнославянскими и подкрепляет этот общеизвестный в славистике факт ссылкой на фантазии Мавро Орбини: «Поэтому не случайно писал Мавро Орбини, что древняя прародина сербского народа (или руссов) находится у берегов Меотийского озера (современного Азовского моря)». Орбини в XVI веке написал это как раз случайно, поддавшись сарматской гипотезе происхождения славян, а вот поколения археологов закономерно так и не нашли славянских древностей в Приазовье. Если бы Серегин действительно читал Нидерле, а не ссылаясь на него для вида, он бы такой ошибки не допустил.

Желая подкрепить реальное родство южных и восточных славян мнимыми аргументами Серегин добавляет: «Кроме того, при избрании на соборе 1377 года великого князя Лазаря сербским королем отмечалось, что он помазуется на королевство «расийское»». Замечание совершенно не по делу, так как никаких таинственных русско-сербских параллелей за данным фактом не кроется. Слово «Россия» впервые отмечается в русских письменных памятниках с 1387 года в форме «Росия», а прилагательное «росийский» с 1418 года, причем оба слова только в титулатуре московских митрополитов – государственная власть их еще не использовала [26, с. 130]. Что же касается королевства «расийского», то это прилагательное образовано от названия города Рас, который, в свою очередь, дал название государству Рашка, объединившему в XII веке сербские земли. Этимология названия Рас давно установлена и к России отношения не имеет. У него латинское происхождение. Это искаженное на южнославянский манер название римской крепости Арса, отмечаемой у Прокопия Кесарийского [9, с. 250–251]. Самое удивительное, что в следующем абзаце Серегин пишет и о Рашке и о Расе – эти названия ему знакомы. Но увязать их с помазанием на расийское королевство он почему-то оказался неспособен.

Таким образом, мы завершили разбор сенсационных сведений Серегина и Ермоловича о начале сербской государственности, и все эти научные сенсации не подтвердились. Почти все они оказались результатом некритического использования псевдонаучной литературы сербских авторов. Это направление, которое так подвело ростовского и минского ученого, сербские историки обозначают как неоромантическое. Они проводят параллель между его представителями и авторами XIX века, которые задачу возвеличивания своей нации ставили выше постижения истины. Само распространение неоромантического направления они рассматривают как реакцию общественного сознания сербов на катастрофы, пережитые в 1990-е годы. Неоромантическая псевдоисторическая литература, по их мнению, выполняет компенсаторные функции: рисуя картины фантастического величия древних сербов, она смягчает боль от проигранных войн и национального унижения. Кроме того, это направление пользовалось скрытой поддержкой государственной власти, которая прибегала к мобилизации общественного мнения при помощи националистических идеологий.

Все верно, но эти наблюдения не учитывают еще два аспекта. Прежде всего, расцвет так называемых сербских неоромантиков начался до начала гражданских войн в Югославии. В середине 1980-х годов, когда национальные катастрофы еще не начали преследовать сербов, в сербской культурной среде уже загремели имена таких неоромантических корифеев, как Ольга Лукович-Пьянович и знакомый нам Радивой Пешич. Таким образом, сербские неоромантики разжигали национализм одной из югославских наций, когда ей еще не нужна была моральная

компенсация, и тем самым приложили руку к формированию агрессивных националистических идеологий периода гражданских войн 1990-х годов. Они оказывались не только следствием национальных катастроф, но и одной из их причин.

Затем, критикуя фальсификаторов, сербские историки совершенно абстрагируются от коммерческой стороны явления. Неоромантическое направление оказалось успешным книгоиздательским проектом. Счет подобных публикаций идет не на десятки, а на сотни, в чем можно убедиться, посетив сайт <http://srbski.weebly.com>, где они все заботливо собраны вместе. Это просто море разливанное фальсификата, в котором тонут голоса протеста настоящих ученых. Российские историки, приняв во внимание аналогичные явления в российской науке, предложили иное название для рассматриваемого явления – фолк-хистори. Это коммерческий литературный жанр массовой культуры, который возник в результате погружения исторического знания в рыночную среду [27, с. 9, 10, 308, 309]. Приверженцы этого жанра имеют очень смутные представления о природе исторических знаний и специфике труда историка, зато выступают с громогласными требованиями коренного пересмотра сложившейся модели всемирной и отечественной истории. Сербские неоромантики полностью подпадают под эти характеристики. С фолк-хистори российского разлива их также роднит приверженность националистической идеологии. Например, идейное содержание фальсификаций такого борца за математическую истину, как Фоменко, сводится к безмерному преувеличению российской роли во всемирной истории. Потому мы можем применить термин фолк-хистори и к сербским неоромантикам – это одного поля ягоды.

Статьи Серегина и Ермоловича это отражение тревожного симптома проникновения фолк-хистори в науку. Процесс этот начался до них и будет продолжаться после них. Единственным ответом на него со стороны науки является противодействие, причем не только на уровне критики. Очень важна работа каждого ученого над собой, тщательность при проверке любых данных. Это не так сложно: и юридическая, и историческая наука всегда учат, что нельзя испытывать слепого доверия к тексту, особенно если он идет в разрез с данными, которые уже выдержали критическую проверку, а обилие текстов само по себе не означает их истинности. Достаточно лишь придерживаться этих принципов на практике.

Ну а история сербской государственности натиск фолк-хистори пока выдерживает: как начиналась она в IX веке, так и начинается – приверженцы фолк-хистори не продемонстрировали нам ничего такого, что могло бы побудить науку к пересмотру устоявшихся взглядов.

Список литературы

1. Серегин А.В. Расцвет и падение средневековой сербской государственности // История государства и права. – 2016. – № 21. – С. 29–34.
2. Константин Багрянородный. Об управлении империей. – М.: Наука, 1991. – 498 с.
3. Наумов Е.П. Становление и развитие сербской раннефеодальной государственности // Раннефеодальные государства на Балканах VI–XII вв. – М.: Наука, 1985. – С. 189–218.
4. Чиркович С. История сербов. – М.: Весь мир, 2009. – 448 с.
5. Ермолович В.И. Источники и историография государства и права Сербии VI–XIV вв. (современный взгляд на древнюю и средневековую сербскую историю) // Российские и славянские исследования: науч. сб. – Вып. 2. – Минск: Изд-во Белорус. гос. ун-та, 2007. – С. 127–134.
6. Joannis Zonaras Annales // Patrologiae Graecae, ed. J. P. Migne. – Vol. 134. – Paris: Migne, 1864. – 1416 p.
7. Аппиан Александрийский. Римская история. – М.: Наука, 1998. – 726 с.

8. Полибий. Всеобщая история в сорока книгах. – Т.1. – СПб: Наука, 1994. – 496 с.; Т. 3. – СПб: Наука, 1995. – 382 с.
9. Радић Р. Срби пре Адама и после њега. – Београд: Стубови културе, 2005. – 315 с.
10. Нидерле Л. Славянские древности. – М.: Изд-во иностр. лит., 1956. – 453 с.
11. Палавестра А. Измишљање традиције: „Винчанско писмо“ // Етноантрополошки проблеми. – 2010. – Св. 2. – С. 239–258.
12. Пешич Р. Винчанское письмо и другие грамматологические очерки [Электронный ресурс]. – Краснодар: ДЕДКОФФ, 2010. – 155 с. – URL: <https://cloud.mail.ru/public/8rDo/s42XPUXS6>.
13. Чудинов В.А. О книге Антича и Винчанском письме [Электронный ресурс] // Руница. – URL: <http://www.runitsa.ru/publications/194>.
14. Олійник О. Мова русів у фінікійській і етрусській епіграфіці: приблизно від 1000 р. до н. е. – 300 р. н. е.: (до основ української епіграфіки). – Торонто, 1999. – 215 с.
15. Крадин Н.Н. Археологические признаки цивилизации // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. – Волгоград: Учитель, 2006. – С. 184–208.
16. Витушко В.А., Ермолович В.И., Зорченко Е.А. Югославия: история и современность // Веснік Беларускага дзяржаўнага эканамічнага ўніверсітэта. – 2000. – № 4. – С. 73–78.
17. Деретић Ј. Античка Србија [Электронный ресурс]. – Темерин: Југо-ПИРС, 2000. – 217 с. – URL: <https://ru.scribd.com/doc/15359182/Dr-jovan-Deretic-Anticka-Srbija#user-util-view-profile>.
18. Деретић Ј. Западна Србија [Электронный ресурс]. – Београд: Сардонија – Завод за Србистику, 2003. – 76 с. – URL: https://mega.nz/#F!nwsWQKiY!nEC_55l5IATRjk6hdFyavw!Gk0HDCzS.
19. Плачинда С.П. Словник давньоукраїнської міфології. – Київ: Український письменник, 1993. – 63 с.
20. Летопис по па Дукљанина / приредио С. Мијушковић. – Београд: Просвета, Српска књижевна задруга, 1988. – 195 с.
21. Грачев В.П. Сербская государственность в X–XIV вв. (Критика теории «жупной организации»). – М.: Наука, 1972. – 332 с.
22. Алексеев С.В. «Летопись по па Дуклянина»: структура древнеславянского родословного предания // Проблемы филологии и культурологи. – 2006. – № 3. – С. 140–148.
23. Клухорст А. Ликийский язык // Языки мира: Реликтовые индоевропейские языки Передней и Центральной Азии. – М.: Academia, 2013. – С. 131–154.
24. Шеворошкин В. В. К пониманию мильйских текстов // Слово и язык: сб. ст. к восьмидесятилетию академика Ю. Д. Апресяна. – М.: Языки славянских культур, 2011. – С. 588–619.
25. Новаковић Р. Карпатски и Ликијски Срби. Прилози за историју Срба од другог миленијума пре н. е. до XIV века. – Београд: Мирослав, 1997. – 193 с.
26. Клосс Б.М. О происхождении названия «Россия». – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. – 152 с.
27. Володихин Д., Елисеева О., Олейников Д. История на продажу: тупики псевдоисторической мысли. – М.: Вече, 2005. – 320 с.

References

1. Seregin A.V. Rastsvet i padenie srednevekovoi serbskoi gosudarstvennosti [Rise and fall of medieval Serbian statehood]. *Istoriia gosudarstva i prava*, 2016, no. 21, pp. 29–34.
2. Konstantin Porphyrogenous. Ob upravlении imperiei [On the management of the empire]. Moscow, Nauka, 1991, 498 p.
3. Naumov E.P. Stanovlenie i razvitie serbskoi rannefeodal'noi gosudarstvennosti [Formation and development of the Serbian early feudal statehood]. *Rannefeodal'nye gosudarstva na Balkanakh VI–XII vv.* Moscow, Nauka, 1985, pp. 189–218.

4. Chirkovich S. Istorii serbov [History of Serbs]. Moscow, Ves' mir, 2009, 448 p.
5. Ermolovich V.I. Istochniki i istoriografiia gosudarstva i prava Serbii VI-XIV vv. (sovremennyi vzgliad na drevniiu i srednevekovuu serbskuiu istoriiu) [Sources and historiography of the state and law of Serbia in VI-XIV centuries (a modern look at the ancient and medieval Serbian history)]. *Rossiiskie i slavianskie issledovaniia: nauchnyi sbornik*. Minsk, Belorusskii gosudarstvennyi universitet, 2007, iss. 2, pp. 127-134.
6. Joannis Zonaras Annales. Patrologiae Graecae. Paris, J. P. Migne, 1864, vol. 134, 1416 p.
7. Apian Alexandrian. Rimskaiia istoriia [Roman history]. Moscow, Nauka, 1998, 726 p.
8. Polybius. Vseobshchaia istoriia v soroka knigakh [The Histories in forty books]. Saint Petersburg, Nauka, 1994, vol. 1, 496 p.; Saint Petersburg, Nauka, 1995, vol. 3, 382 p.
9. Radić R. Srbi pre Adama i posle njega [Serbs before and after Adam]. Beograd, Stubovi kulture, 2005, 315 s.
10. Niederle L. Slavianskie drevnosti [Slavic antiquities]. Moscow, Izdatel'stvo inostrannoi literatury, 1956, 453 p.
11. Palavestra A. Izmišljanje tradicije: „Vinčansko pismo“ [Invitation of tradition: „Vincha writing“]. *Etnoantropološki problemi*, 2010, vol. 2, pp. 239-258.
12. Peshich R. Vinchanskoe pis'mo i drugie grammatologicheskie ocherki [Vinca's writing and other grammatical essays]. Krasnodar, Izdatel'skii dom «DEDKOFF», 2010, 155 p., available at: <https://cloud.mail.ru/public/8rDo/s42XPUS6> (accessed 23 December 2017).
13. Chudinov V.A. O knige Anticha i Vinchanskom pis'me [On the book of Antich and Vincha writing]. *Runitsa*, available at: <http://www.runitsa.ru/publications/194> (accessed 23 December 2017).
14. Oliinyk O. Iazyk rusov v finikiiskoi i etruskoi epigrafike: priblizitel'no ot 1000 g. do n.e. – 300 g. n.e. (k osnovam ukrainskoi epigrafiki) [Language of Rusians in the Phoenician and Etruscan epigraphy: from around 1000 BC – 300 AD (to the foundations of Ukrainian epigraphy)]. Toronto, 215 p.
15. Kradin N.N. Arheologicheskie priznaki tsivilizatsii [Archaeological signs of civilization]. *Rannee gosudarstvo, ego al'ternativy i analogi*. Volgograd, Uchitel', 2006, pp. 184-208.
16. Vitushko V. A., Ermolovich V. I., Zorchenko E. A. Iugoslaviia: istoriia i sovremennost' [Yugoslavia: history and modernity]. *Vestnik Belorusskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*, 2000, no. 4, pp. 73-78.
17. Deretić J. Antička Srbija [Antique Serbia]. Temerin, Jugo-PIRS, 2000, 217 p., available at: <https://ru.scribd.com/doc/15359182/Dr-jovan-Deretic-Anticka-Srbija#user-util-view-profile> (accessed 23 December 2017).
18. Deretić J. Zapadna Srbija [Western Serbia]. Beograd, Sardonija - Zavod za Srbistiku, 2003, 76 p., available at: https://mega.nz/#F!nwsWQKiY!nEC_55l5IATRjk6hdFyavw!Gk0HDCzS (accessed 23 December 2017).
19. Plachinda S.P. Slovar' drevneukrainskoi mifologii. Kiev, Ukrains'kyi pys'mennyk, 1993, 63 p.
20. Ljetopis popa Dukljanina / priredio S.Mijušković [Chronicle of the Priest of Duklja]. Beograd, Prosveta, Srpska književna zadruka, 1988, 195 p.
21. Grachev V.P. Serbskaia gosudarstvennost' v X-XIV vv. (Kritika teorii «zhupnoi organizatsii») [Serbian statehood in the X-XIV centuries. (Critics of the theory of "zhupa type organization")]. Moscow, Nauka, 1972, 332 p.
22. Alekseev S.V. «Letopis' popa Dukljanina»: struktura drevneslavianskogo rodoslovnogo predaniia [Chronicle of the Priest of Duklja: Old Slavic genealogical legends structure]. *Problemy filologii i kul'turologii*, 2006, no. 3, pp. 140-148.
23. Kloekhorst A. Likiiskii iazyk [Lycian language]. *Iazyki mira: Reliktovye indoevropskie iazyki Perednei i Tsentral'noi Azii*. Moscow, Academia, 2013, pp. 131-154.
24. Shevoroshkin V. V. K ponimaniu miliiskikh tekstov [For understanding Milyan texts]. *Slovo i iazyk. Sbornik statei k vos'midesiatiletiu akademika Iu.D. Apresiana*. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur, 2011, pp. 588-619.
25. Novaković R. Karpatski i Likijski Srbi. Prilozi za istoriju Srba od drugog milenijuma pre n.e. do XIV veka [The Carpathian and Lycian Serbs. Supplements for the history of Serbs from II millennium B. C. until XIV century]. Beograd, IPA «Miroslav», 1997, 193 p.
26. Kloss B.M. O proiskhozhdenii nazvaniia "Rossiia" [On the origin of the name "Russia"]. Moscow, Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi, 2012, 152 p.
27. Volodikhin D., Eliseeva O., Oleinikov D. Istorii na prodazhu: tupiki psevdohistoricheskoi mysli [The history for sale: dead ends of pseudo-historical thought]. Moscow, Veche, 2005, 320 p.

Получено: 15.01.2018

Принято к печати: 12.02.2018